

Шарль
БОДЛЕР

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ПОЭЗИИ

Цветы зла

Всемирная библиотека поэзии (Эксмо)

Шарль Бодлер

Цветы зла

«ЭКСМО»

1857-1861

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5

Бодлер Ш.

Цветы зла / Ш. Бодлер — «Эксмо», 1857-1861 — (Всемирная библиотека поэзии (Эксмо))

ISBN 978-5-04-096673-8

Стихотворный сборник «Цветы зла» – великое произведение Шарля Бодлера, одного из крупнейших поэтов Франции XIX в. Герой цикла разрывается между идеалом духовной красоты и красотой порока, его терзают ощущение раздвоенности и жажда смерти. Вошедшие в сокровищницу мировой литературы «Цветы зла» публикуются в переводе Адриана Ламбле, русского поэта-переводчика швейцарского происхождения. Этот наиболее полный из всех имеющихся переводов сборника был издан в Париже в 1929 г. и породил миф, что его автором является сама Марина Цветаева. «В работе Адриана Ламбле есть одно большое достоинство: она сделана очень тщательно и, видимо, с большой любовью. <...> Перелистывать и читать ее приятно. На ней лежит отпечаток общей культурности. Есть в ней слабый, но все-таки еще не окончательно исчезнувший отблеск одного из самых глубоких дарований, которые когда-либо были на земле». Георгий Адамович

УДК 821.133.1-1

ББК 84(4Фра)-5

ISBN 978-5-04-096673-8

© Бодлер Ш., 1857-1861

© Эксмо, 1857-1861

Содержание

Цветы Шарля Бодлера	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шарль Бодлер

Цветы зла

В оформлении обложки использованы иллюстрации к «Цветам зла» художника *Карлоса Швабе* (1866–1926) и портрет Шарля Бодлера художника *Жоржа-Антуана Роигросса* (1859–1938)

Оформление серии «Всемирная библиотека поэзии» *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке: Dazy Pene / Bridgeman Images / Fotodom.ru

© Ламбле А. А., перевод на русский язык. Наследники, 2018

© Витковский Е. В., предисловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Цветы Шарля Бодлера

Шарль Бодлер, видимо, не может быть причислен ни к одной литературной школе. Он – та часть, которая больше целого по законам синэргетики. Очень легко составить тянувшийся на десятки имен список поэтов, которых можно назвать «бодлерианцами» (или «проклятыми» по слову Верлена – списки совпадут); его самого можно считать разве что добровольным учеником американца Эдгара По, переводам из которого Бодлер добровольно отдал почти семнадцать лет жизни и который, в свою очередь, стал значительно более известен за пределами родины благодаря Бодлеру. Можно называть Бодлера поздним последователем романтизма, предшественником символизма, участником антологий парнасской школы, – всегда это будет правдой, но не отразит всех граней того более значительного явления, имя которому – Шарль Пьер Бодлер. Переболеть им обречен каждый, кто хоть немного соприкоснется с поэзией нового времени.

Удивительней всего то, что Бодлер как поэт и в целом как художник слова полностью реализовался: если считать началом его серьезного творчества сонет «Креолке», написанный в 1841 году, о нем ниже, а концом – пребывание в Бельгии, эпизод, когда 3 апреля 1867 года он упал на ступени храма в Намюре, – выйдет, что на творчество у него было около четверти века. Виктору Гюго для того же понадобилось почти семьдесят лет, но в итоге история и литература поставили их рядом. Кстати, этим счастливым качеством вплоть до смерти Ростана и Аполлинера в 1918 году счастливо обладали многие французские поэты, и не только поэты.

Шарль Бодлер родился в Париже в 1821 году.

Его отец, Франсуа Бодлер, начальник канцелярии в наполеоновском сенате, сам был художником (писал гуашью); он был старше матери Шарля на тридцать четыре года, имел жизненный опыт – он и священником побывал, и сложил с себя сан, и женился, и обрел старшего сына, будущего адвоката Клода-Альфонса, и овдовел, и вновь женился на бесприданнице, на двадцатипятилетней Каролине Аршанбо Дюфаи. Жаль, но умер отец, когда будущему автору «Цветов зла» было только неполных шесть лет; мать годом позже опять вышла замуж, не выждав положенного срока траура, однако майор (точнее – *комендант*) Опик, человек, лишь на несколько лет старше матери Бодлера, быстро делал карьеру: он рос в чинах, стал благодаря военным действиям в Алжире подполковником, позже генералом, послом в Константинополе, в Испании, затем сенатором, – он удерживался при любой власти, только Наполеон у него был другой – не Великий, а, по крылатому слову Виктора Гюго, «Малый». Конфликт с этим человеком, а следовательно, и с матерью на долгие годы сказался на судьбе и на творчестве Бодлера: в юности Бодлер писал стихи, но от них быстро и решительно отказался – самое раннее из вошедших в его «главную» книгу написано лишь на двадцать первом году жизни. На создание же книги даже в первом ее варианте ушло еще около пятнадцати лет. Первое относительно зрелое стихотворение Бодлера («Несовместимость») датировано 1837 годом, но и оно попало у Бодлера в «ювенилию»; опубликовано оно посмертно, в 1872 году, когда жизнь поэта окончилась, когда вокруг него стала нарастать легенда за легендой.

В 1837 году учащийся второго класса королевского коллежа Людовика Святого в Лионе получил вторую премию на общешкольном конкурсе латинской поэзии. Одно латинское стихотворение почти через тридцать лет войдет в книгу Бодлера «Осколки “Цветов зла”»: эта трогательная рифмованная, чуть ли не средневековая латынь едва ли интересовала Бодлера последних лет жизни. Видимо, это было эхо обучения в лионском коллеже: интересно то, что поэт от него не отказался.

...Юный пасынок бригадного генерала (на 1839 год) Опики решительно не желал учиться, хотя с трудом экзамены на звание бакалавра все же сдал. Но на том его карьера и кончилась: ни юристом, как старший брат, ни тем более военным, как отчим, он быть не хотел,

только в долги влезал, только жаждал жить сам по себе. Он влезал в долги, путался с девицами самого дурного толка, в итоге – подхватил сифилис, бледную немочь на языке позапрошлого столетия, что относительно успешно скрывал, покуда болезнь не сказала свое слово. Никакой серьезной поэзии у него еще не было за душой – пропади он где-то в те времена, мы бы нынче имени его не знали. Но судьба поступила с ним по классическому рецепту вольтеровского Панглоса – «все к лучшему». Трудно сказать, сколько поэтов в таком положении на самом деле сгинуло. Бодлер – не сгинул.

Мать, отчим и старший брат решили выбить из строптивого юноши поэзию и прочую романтическую дурь, они, не ведая, что творят, отправили его в самое романтическое из возможных путешествий – в Индию. Юноша поплыл на тихоходном судне «Пакетбот Южных морей» вокруг мыса Доброй Надежды, за Мадагаскар, на Маврикий – и на Реюньон, на остров, где происходит действие романа Жорж Санд «Индиана» (1832): интересно отметить, что, несомненно, знакомый с этой книгой Бодлер впоследствии саму Жорж Санд терпеть не мог, хотя и писал ей письма. У юноши были свои представления о том, что такое Восток. Если говорить кратко, это было такое место, куда он не хотел (правда, то самое, что попадало с Востока в Париж, гашиш, точнее, ныне вышедший из употребления алжирский давамекс, он в сороковые годы основательно распробовал). На судне он достиг острова. Там Шарль провел некоторое время, но именно оттуда капитан «Пакетбота» Сализ, горя о теряемых деньгах, отправил его матери и отчиму письмо, где извещал, что юноша дальше плыть отказался и через Бордо возвращается в Париж на судне «Альсид». С 9 июня 1841-го по 15 февраля 1842 года совершил Бодлер свое единственное в жизни дальнейшее путешествие «Бордо – Реюньон – Бордо». Для потомков важно то, что было в промежутке, надо помнить, что земля февраля Реюньона, вулканического острова, одного за другим дарила Франции и миру больших поэтов: Эвариста Парни (без него немыслим Пушкин!), Леконта де Лиля, Огюста Лакоссада, Леона Дьеркса. Без столь экзотического путешествия, надо полагать, гений Бодлера творил бы совершенно иначе, и скорей всего – он был бы беднее.

Да, все началось именно в Индийском океане: Бодлер отплыл из Бордо «в Индию»; в сентябре 1841 года двадцатилетний Шарль Бодлер отправил с Бурбона (тогда еще так именовался остров Реюньон) на незадолго до того посещенный Маврикий сонет «Креолка». Сонет был адресован госпоже де Брагар, в гостях у которой и у ее мужа побывал Бодлер незадолго до того. В Калькутту поэт не доплыл; принято считать, что у него «деньги кончились»: эта версия восходит к словам Бодлера в его же письмах к матери, а доверять ли им? Вероятно, не стоит. Вероятнее версия, что возвращение было собственной идеей Бодлера: в Индии ему делать было решительно нечего: экзотических впечатлений ему и Маскаренские острова предоставили достаточно. Он решил вернуться, видимо, подсчитав, что будет во Франции примерно к своему совершеннолетию, вступит в права наследования и сможет более не слушать приказов отчима. Так на какое-то время и случилось, однако тропические острова оставили в душе и творчестве Бодлера важный отпечаток. Очевидно при этом, что позднее они сблизили его с лучшим из выходцев с Реюньона, главой парнасцев – Леконтом де Лилем.

Проведя девять месяцев «в Индии», в марте следующего года автор вернулся в Париж; 3 марта благодаря счастливой жеребьевке не был призван в армию (отчим явно ожидал другого результата); 9 апреля Шарль Бодлер достиг совершеннолетия и смог ступить во владение своей долей наследства, доставшегося от отца; он получил 75 000 франков, некоторое количество земель и акций, до лета 1844 года он считал себя богатым человеком. И как всегда в таких случаях бывает – ошибался. Этот год стал для него кризисным: Бодлер растратил почти половину отцовского наследства. К тому же молодой человек стал распродавать свою земельную собственность, – в июле 1844-го мадам Опик, родичи – его матушка, отчим-бригадир и старший брат добились судебного постановления: Бодлер был лишен права тратить свой капитал, его наследством с сентября могли распоряжаться лишь мать и нотариус Ансель; самому

Бодлеру пожизненно причитались только проценты, 2200 франков в год. Надо отметить, что грабежа тут не было, сразу после получения наследства его чистый доход был на 400 франков меньше этой суммы.

Около 40 франков в неделю. Квартира на набережной Бетюн, на острове Сен-Луи, где поэт поселился в 1842 году, хотя и на первом этаже, и однокомнатная, стоила 225 франков. Это было дорого. Бодлер недолго жил в первой своей независимой квартире. Ее он скоро покинул. Воспользовавшись тем, что располагавшийся на том же острове Сен-Луи «дворец» Лозена перешел в руки барона Пишона, разбившего его на квартиры и предложившего их для сдачи внаем, Бодлер переехал туда: именно там он и старший товарищ по искусству и бедности Теофиль Готье основали «Клуб любителей гашиша», подаривший им какие-то минуты наркотического счастья. В том же клубе, кстати, возник и был скоро написан «Граф Монте-Кристо» – Дюма-отец, как и многие другие прославленные писатели, нередко бывал здесь. Но после ареста отцовского наследства денег у Бодлера осталось всего ничего, он съехал и оттуда: он писал своему квартировладельцу: *«Милостивый государь, я колю дрова в моем салоне и таскаю за волосы свою любовницу. Подобное случается у всех, и я не вижу причин, почему вас это должно беспокоить»*. Видимо, барон согласен был примириться с гашишем, но не с колкой дров в гостиной. Бодлер не мог платить ему вообще.

В 1843 году он впервые напечатался, позже, в 1845-м, но уже за подписью «Бодлер-Дюфай» он опубликовал в журнале «Артист» сонет «Креолке», написанный именно во время недобровольного путешествия «в Индию» в 1841 году – сонет был послан с Бурбона на Маврикий госпоже Брагар, таким образом, начался поэт задолго до 1857 года, до издания главной его книги. И девять месяцев в море бесследно для его мрачного творчества не прошли.

Безденежье Бодлера никогда, кроме двух лет после получения наследства, его не покидавшее, отражено в творчестве, хотя и очень опосредованно. Париж, город Бодлера, известен также и тем, что Бодлер жил в нем более чем по сорока адресам: поскорее сбегал, когда очередная, по его же выражению, «падаль-домовладелица» требовала денег за жилье. Периодически случалось и так, что переночевать Бодлер мог только в публичном доме. Если вспомнить, какая болезнь не покидала его, заново оценишь мрачную иронию некоторых его стихотворений – и даже названий. Однако главные адреса Бодлера: на острове Сен-Луи, первый – на первом этаже, другой – под самой крышей дворца Лозен. Здесь он прожил около двух лет, здесь написал изрядную часть «Цветов зла», здесь встречался со своей главной любовью – квартиронкой с Гаити Жанной Дюваль, актрисой и алкоголичкой. В письмах к друзьям он иной раз даже называл ее своей женой. ... но бог избавил, это лишь мерещилось: ему снился некий фантазм, потом уже наяву раздавался резкий шум – поэт просыпался в холодном поту – это Жанна зачем-то двигала мебель. Конечно, жил он на набережной Вольтера – правда, кто только на ней не жил: от самого Вольтера до Оскара Уайльда, и все случайные жилища, в которых пришлось ночевать Бодлеру, едва ли можно найти нынче в Париже, чтоб украсить их мемориальными досками с сомнительной в смысле точности и еще больше сомнительной в смысле престижа информацией. Но таков был Париж, таков был поэт Парижа, декларативно не любивший природу, ислам, Америку и вообще все, чего нет в Париже, чему там, с его точки зрения, не было места. Без ощущения Парижа – ничего не понять в поэзии Бодлера.

Бедность обрекала Бодлера на поиски дополнительных средств, он начал писать статьи о живописи, о литературе, прежде всего о любимом Эдгаре По, которого параллельно остальным занятиям деятельно переводил. Переводил не по заказу, а по зову души: *«Я хочу, чтобы Эдгар По, которого ни во что не ставят в Америке, стал великим человеком во Франции»*, – писал Бодлер Сент-Бёву после выхода первого тома переводов. И поэзию, а еще более того – прозу Эдгара По французские издатели приняли: даже платили больше. Но Бодлер того и хотел, для него Эдгар По был настоящей иконой.

С апреля 1845 года, когда в публикации Бодлер впервые поставил под опубликованным стихотворением фамилию «Бодлер-Дюфай», начинается формальная литературная карьера будущего автора «Цветов зла», его известность; заметим, что фамилию «Дюфай» он добавил к собственной, видимо, в расчете на то, что мать этот жест оценит. Едва ли она его *поняла*: псевдоним не прижился. Читала ли матушка стихи вообще? О талантливости сына она позже спросила Максима Дюкана, которому посвящено «Плавание». Спросила на приеме в Константинополе: Дюкан лишь кивнул, боясь рассердить посла, генерала Опики. Трудно сказать, что подумала в этот миг мать великого поэта. В силу того, что сделал ее мужа послом другой поэт, министр иностранных дел Франции Ламартин, совсем без внимания этот факт едва ли остался.

Поэт впадал в отчаяние. Оно, возникнув на почве бедности, многих поэтов довело до самоубийства. В свои двадцать четыре года счел подобный выход наилучшим и Бодлер. 30 июня 1845 года он написал письмо нотариусу Анселю, ведшему его дела, где отдавал инструкции о том, что делать, когда он будет уже мертв. Всё оставшееся после уплаты долгов поэт завещал Жанне Дюваль, своей темнокожей подруге. Но незадачливый самоубийца всего лишь нанес себе неглубокую рану в грудь. Дело было в кабаре, подоспел врач, не сильно пострадавшего поэта отнесли на квартиру к Жанне. Очень быстро его забрала оттуда матушка и перевезла к себе: через двадцать с небольшим лет точно так же она привезла его, уже находившегося на пороге смерти, в Париж из Бельгии. Но поскольку рана была мелкая, через несколько дней неудачливый самоубийца от матери сбежал, прихватив с собой «сундучок с обувью, бельем и двумя черными галстуками» и книгами, само собой. С этого времени начинается его странствие с квартиры на квартиру, подарок исследователям его творчества с точки зрения путешествия «по бодлеровским местам Парижа».

Весной 1848 года отчим Бодлера получил генеральское звание, после того как быстро перешел на сторону республики. Несмотря на это, в июне в легком подпитии Шарль бродил с двустволкой вокруг баррикад и чуть ли не кричал повстанцам, чтобы они непременно «расстреляли генерала Опики». Но в июле баррикадный огонь угас, оставив в душе молодого поэта не столько настроение бунтаря, сколько еще более жаркую, чем прежде, любовь к живописи Эжена Делакруа. А генерала вошедший в правительство Ламартин отправил послом Франции в Османскую империю, в Константинополь.

Денег Бодлеру, несмотря на подработку публикациями, всегда не хватало. В заметно более позднем письме актеру Ипполиту Тиссерану от 28 января 1854 года поэт писал: «*У меня ни единого су, в буквальном смысле; 20, 25 франков означают для меня, когда я заперт, как сейчас, неделю жизни*». Если вспомнить, что накануне отправки в Индию несостоявшийся студент Сорбонны за два месяца наделал долгов на две тысячи франков, что равнялось годовой ренте его матери после смерти отца, станет ясно, что с деньгами у Бодлера отношения были не лучшие. И не случайно его первым серьезным эссе была зарисовка с натуры: эссе «Как вы платите долги, если вы гений» (1845): лирический герой зарисовки морщил лоб, как *шагреновую кожу*, – иначе говоря, Бальзак в данном случае был безусловным источником вдохновения для Бодлера. Важно, что за подписью «Бодлер-Дюфай» зарисовка была опубликована в августе 1846 года, но годом раньше – вовсе без подписи в другом месте. Надо думать, гонорар он получил дважды, и только это имело значение для Бодлера. Сейчас эта миниатюра переведена более чем на десяток языков, она продолжает жизнь. Написать о долгах с целью отдачи долгов так, чтобы это стало фактом большого искусства, может лишь гений.

Он писал о живописи, о выставках в Салоне: иной раз интересно прочесть, как раздражал его баталист Орас Верне (есть основания думать, что раздражал он поэта не столько живописью, сколько придворным успехом и тем, что баталист вызывал у него мысли о ненавистном отчине). Истинным ценителем живописи Бодлер был, но насколько он действительно понимал ее, трудно сказать. То, что он во времена «растраты наследства» иной раз покупал то ли копии картин, то ли подделки, – факт доказанный.

Не так уж была велика инфляция в те времена в относительно благополучной Франции, по крайней мере при жизни Бодлера, и мы можем сравнить финансовую сторону жизни этих людей. Первый муж оставил вдове ренты примерно столько же, сколько сыновьям – каждому около двух тысяч франков в год. Когда умер сенатор Опик, его вдова получила от государства пожизненное содержание в одиннадцать тысяч франков, а квартира в Онфлере ей и так принадлежала. Между тем Бодлер писал в письмах третьим лицам, что сенатор умер, оставив вдову «без средств». Он и посмертно сводил счета с отчимом. Увы, это называется классическим эдиповым комплексом.

Кое-кто из современников все же воспринимал Бодлера серьезно, во времена республики и тем более – во времена Второй империи, хотя цензура и водворилась в Париже на место, которое считала своим. Парнасцы с удовольствием печатали то, что он им отдавал; менее придирчивые издания рады были напечатать его даже тогда, когда редактор мог подозревать, что стихотворение или эссе уже печаталось ранее под другой фамилией: автор благоразумно предполагал, что читатель у всех разный. Но нигде за литературу много не платили, а жизнь в Париже всегда была дорогой.

Когда суд приговорил поэта за оскорбление нравственности шестью стихотворениями к штрафу в 300 франков, он просто не мог их заплатить и ходатайствовал перед императрицей об уменьшении суммы штрафа. Штраф уменьшили до 50 франков, чуть ли не одновременно выплатив ему «из другого кармана» 100 франков за переводы из Эдгара По. Но и 50 франков, «деньги на жизнь за две недели», поэту было весьма трудно заплатить. Он даже драматургией хотел заняться, писанием романов (сохранились их названия), что видно по письмам, – поэтическая книга, разобранная на страницы к тому же и частично уничтоженная, доходов дать не могла. К счастью для литературы, безуспешно: никакого дарования в сценической области муза Бодлеру, видимо, не отпустила.

Важно помнить, что молодой и не очень молодой Шарль Бодлер молился, по собственному признанию, не одному богу, а просил молиться за него своеобразную Троицу: отца, первую свою нянюшку Мариетту и Эдгара По. Если отца он и считал «жалким художником», то даже матери признавался, что память о живописи отца имеет для него «моральную ценность». Лукавил ли поэт в письме к матери, которую подозревал в распродаже немногочисленных картин отца? Думается, что лукавил: во всемирном величии Эдгара По он не сомневался. Его перевод «Ворона» был выполнен прозой. Через два десятилетия после смерти Бодлера Морис Роллина, «малый Бодлер», перевел на французский того же «Ворона» в привычной нам традиции, стихами. Всего переводов того же шедевра на французский едва ли меньше, чем на русский, а это значит – больше пяти десятков. Переводчик должен быть великим читателем, Бодлер это понимал – и заставил соотечественников читать великого Эдгара. Кстати, отчасти неудивительно, что переводы из него и статьи о нем приносили Бодлеру заметно больший гонорар, чем собственные писания. Отчего? В них пульсировала новая кровь, возник «новый трепет» (по выражению Гюго в отзыве именно о Бодлере), столь необходимый французским читателям, окончательно уставшим от Ламартина и тех, кто был старше, как бы ни были они талантливы.

С 1846-го Бодлер начал объявлять в печати о том, что готовит к печати книгу стихотворений; сперва она носит убийственно эпатажное название «Лесбиянки», в том же году название меняется, будущий сборник начал именоваться «Лимбы». Однако весной 1852 года поэт Теодор Верон, оставшийся в памяти потомков только благодаря данному поступку, издал свой сборник под таким же названием. Бодлер был вынужден искать новое заглавие – и ничего сочинить не смог до тех пор, пока в 1855-м прозаик Ипполит Бабу не подсказал окончательное – «Цветы зла». Однако бесконечно требовательный к себе Бодлер проработал над книгой еще два года, стихи от читателей, впрочем, не скрывая: даже те стихотворения, которые были позднее осуждены официальным приговором, ему удалось напечатать в периодике и в анто-

логиях. Однако внешне жизнь поэта до самого отъезда в Бельгию весной 1864 года выглядит одинаково: он скитается с квартиры на квартиру, пишет и печатает стихи, статьи и переводы, выпрашивает деньги (в основном у матери), меняет любовниц – и любовницы эти вовсе не принадлежат к «свету», уж скорей к «полусвету»: преимущественно это актрисы. Лишь отчаяние могло спровоцировать его на создание таких произведений, как «Падалъ»: в «Цветах зла» это стихотворение отнесено к сложившемуся уже во втором издании цикла Жанны Дюваль, напоминая, темнокожей возлюбленной Бодлера. Там, где кончается в книге цикл Жанны Дюваль, сразу же начинается цикл Аполлонии (на самом деле – Аглаи) Сабатье, дамы, известной нам до мельчайших деталей благодаря скульптуре Клезенже, где она изображена обнаженной в виде Венеры. Что характерно для тех времен, она была не просто «изображена» – скульптор по настоянию официального любовника Аполлонии, богача Альфреда Моссельмана, снял с нее, с обнаженной, гипсовый слепок и лишь по нему создавал свой шедевр, ныне пребывающий в Лувре. Шедевр этот настолько возбудил Бодлера, что подвиг его на создание целого ряда стихотворений, в том числе и запрещенного после выхода книги постановлением суда – «Слишком веселой». Интересно и то, что для последнего стихотворения цикла Сабатье («Флакон») первой публикацией была та, что имела место в России более чем за год до выхода в свет «Цветов зла», – но об этом ниже. Третий цикл стихотворений, посвященных возлюбленным, адресован Мари Добрен (Мари Брюно), зеленоглазой актрисе чуть моложе предыдущих подруг Бодлера. Таким образом, начиная со стихотворения за номером двадцать два (в реконструкции последнего, третьего издания книги) и до номера пятьдесят восемь в «Цветах зла» размещена лирика, непосредственно адресованная женщинам: для поэта, написавшего столь мало, это огромная часть наследия. Но не более того: конечно, женщины занимали в жизни Бодлера одно из главных мест, но и в стихах, обращенных к ним, можно отследить общение с литературными друзьями: если в Россию отправился для первой публикации «Флакон», то в последнем стихотворении цикла, обращенного к Мари Добрен, упомянута «моя черная Сибирь»: видимо, отголосок общения с Николаем Сазоновым, с которого списал Герцен образ своего «лишнего человека».

25 июня 1857 года добрый друг Бодлера Пуле-Маласси выпустил книгу Бодлера «Цветы зла». Не хочется писать «сборник»: столь целостную книгу, состоящую из пригнанных друг к другу стихотворений, не во всякой литературе найдешь. Разумеется были тут и все милые сердцу поэта лесбиянки и вампиры. Гром, разумеется, грянул; по решению суда весь нераспроданный тираж был арестован. 21 августа 1857-го «за оскорбление общественной морали» Бодлер приговорен трибуналом департамента Сена к штрафу в 300 франков и к запрету шести наиболее «безнравственных» поэм. Виктор Гюго почти сразу поздравил Бодлера: находясь в эмиграции на острове Гернси, он считал, что Бодлеру присуждена редкая награда, по сути дела – терновый венец. Отчасти так это и было, но автора мало утешало. Именно Виктор Гюго написал предисловие к брошюре Бодлера о Теофиле Готье, используя уже упомянутую и ставшую знаменитой формулу – «новый трепет». Слово Гюго стоило дорого, но... он находился в эмиграции, а Бодлер – в Париже.

В книге по первоначальному замыслу ровно сто стихотворений – в 1857 году. Но в 1861 году появилось второе издание той же книги: из нее были изъяты шесть стихотворений, запрещенные постановлением императорского суда (и находившиеся под формальным запретом во Франции до 1949 года!), зато в книгу было добавлено тридцать пять новых. Здесь, надо отметить, суд сыграл над книгой то ли злую, то ли в чем-то счастливую шутку: он разрушил нумерологическую магию Бодлера. Если нужно переиздавать книгу без шести осужденных стихотворений, то зачем дальнейшее втискивание в определенное количество, которого все равно никто не заметит? В 1859 году Бодлер пишет свое прославленное «Плаванье», посвященное Максиму Дюкану, и превращает его в «замковый камень» книги – оно традиционно стоит в ней последним. Нам в России повезло вдвойне: у нас есть феноменальный перевод Марины Цве-

таевой. Кстати, в Париже это стихотворение вряд ли возникло бы: поэт создал его в Онфлёре, Кальвадос, гостя у овдовевшей матери. Онфлёр же – старинный, хоть и утративший значение из-за ила морской порт в устье Сены, близ моря. Море – тот единственный пейзаж, который радостен поэту. Разумеется, помимо пейзажа городского. Об этом Бодлер неоднократно писал прямым текстом.

В годы, посвященные трате наследства и знакомству с наркотиками, поэт создал наиболее мрачные стихотворения: «Падаль» (1843), «Нерадивый инок» (1843), «Дон Жуан в Аду» (1843) и др. Надо отметить, что известные нам «Цветы зла» сильно отличаются от первого издания книги: в 1857 году в ней было шесть стихотворений, осужденных судом, но в ней еще не было *главных*, наиболее хрестоматийных стихотворений, ныне составляющих всемирную славу Бодлера: «Парижский сон», «Лебедь», «Плаванье», «Альбатрос». Книга была куда более мрачной. Однако ко второму изданию прокуроры претензий не имели; коль скоро развалилось главное обвинение – в богохульстве и не удалось изъять из книги даже «Отречение святого Петра», даже «Литанию Сатане», они предпочли не делать строптивому автору рекламу поискать другую жертву. Отзывы на эту книгу были кислыми и неубедительными, притом принадлежали чаще всего перу грошовых журналистов. Правда, два отзыва были не просто комплиментарными, это были произведения искусства, что не удивительно – авторами их значились Леконт де Лиль и Чарльз Элджернон Суинберн. В статье последнего, кстати, говорится о серьезном влиянии Бодлера на современную английскую поэзию. Однако переводов из Бодлера на английский до конца жизни поэта, кажется, не было.

Однако и издание 1861 года едва ли можно считать каноническим; Бодлер готовил третье. Наиболее приближенный к авторскому составу вариант можно найти впервые разве что в русском переводе, в издании «Литературных памятников» (1970); на порядок, предложенный Н. Балашовым и И. Поступальским, в этой публикации опираются все многочисленные русские книги Бодлера, в том числе и наша: реконструкция Н. Балашова вполне убедительна.

При жизни Бодлера во Франции книга более не выходила, в посмертном издании 1868 года в нее было, по сравнению со вторым изданием, произвольно добавлено только три стихотворения (одно из них – весьма точный даже в российском понимании поэтический перевод фрагмента поэмы Лонгфелло, возникший из-за неудавшейся работы над либретто американской оперы). Кроме этого – существуют двадцать три стихотворения (среди них шесть – «запрещенных»), вошедших в изданный в Бельгии сборник «Осколки “Цветов зла”» (1866). Существует также публикация «Новые “Цветы зла”»: в двух выпусках альманаха/антологии «Современный Парнас» в 1866 году Бодлер напечатал под таким заглавием 16 стихотворений (6 из них повторены в «Осколках»); все они были ранее опубликованы (в 1861–1864 годах); это хорошие, но отнюдь не «хрестоматийные», не лучшие у Бодлера стихи. Иначе говоря, собственно «Цветы зла» – это круг, охватывающий 162 стихотворения; за пределами этого существует совсем немного того, что имеет ценность и достоверно может быть отнесено к поэтическому наследию Бодлера, – ранние стихи, книга о Бельгии, разрозненные черновики и наброски. Однако этого наследства в неполные двести стихотворений совершенно достаточно, чтобы говорить о Бодлере как об одном из самых величайших поэтов XIX века не только во Франции, но и в мире.

Следует указать, что бытующее мнение, будто книги, выпущенные Бодлером после и помимо «Цветов зла», неизмеримо более сильны, чем «Цветы», – это то ли заблуждение, передаваемое от одного не вникшего в предмет знатока к другому, то ли, возможно, намеренная ложь переводчика или издателя, стремящегося выпустить неизвестную книгу великого писателя, «другую». Книги переводов из Эдгара По – все же не книги Бодлера, а его дневники, искусствоведческие работы, даже стихи в прозе и прочее никогда бы не привлекли внимания читателей без того огромного заряда творческой энергии, который отдал главной книге своей жизни Бодлер в 1840–1850-е годы. Оставшиеся годы были для него куда менее творческими.

В апреле 1864 года поэт уехал в богатую и быстро развивающуюся Бельгию: там он мог читать лекции, там платили куда щедрей, чем в Париже. Но для его пошатнувшегося здоровья это было слишком поздно, да и к самой новой стране он быстро стал испытывать отвращение, что нашло отражение в его стихах этого периода. Здесь застала его предсмертная болезнь: поэт знал о ней и, судя по записям, ждал ее со дня на день уже несколько лет, даже восторженная статья о нем, исходившая от провозвестника новой эпохи Поля Верлена (1865), едва ли могла что-то всколыхнуть в его душе: он записал, что «просто боится таких юнцов». Когда он упал на ступени бельгийского храма, когда утратил речь, – все кончилось.

Поэт умер в Париже, сорока семи лет, когда не очень любимая мать привезла смертельно больного сына из Намюра в Париж. В таком же возрасте покинули грешную землю Тарас Шевченко и Фернандо Пессоа.

Бодлера трудно переводить: ученые разобрали его поэзию на молекулы и мы слишком много о ней знаем. К примеру, о том, что слово «символизм» придумано уже после смерти Бодлера офранцузившим себя греком Жаном Мореасом, притом само слово «символы» пришло из сонета Бодлера «Соответствия». Как Шекспир или Эллиот в английском языке, как Грибоедов и Пушкин в русском, Бодлер стал сплошной цитатой, в которой нельзя менять ни слова, менее же всего – порядок слов. Но к счастью, именно над Бодлером в России трудились очень многие.

Для нас важно отметить, что о Бодлере русский читатель смог узнать еще до издания «Цветов зла»: как пишет современный нам исследователь Сергей Фокин, *«в феврале 1856 года во второй книжке русского «учено-литературного» журнала «Отечественные записки» была опубликована статья с довольно громким названием «Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии». Она обещала быть началом целой серии подобных опытов, поскольку подзаголовком гласил: «Письма к редактору «Отечественных записок». Письмо первое». Статья была датирована: «Париж, 30 декабря 1855 г.» и имела подпись: «Карл Штахель». Это был псевдоним, под которым скрывался небезызвестный русский вольнодумец Н. И. Сазонов».*

Доказательств общения Бодлера с постоянно жившим во Франции Сазоновым даже искать не надо: в письмах к Асселино от 1857 года и к Пуле-Маласси от 1860 года он прямо упоминается, Бодлер и привет ему передать не забывает. Кроме приветствия, как мы увидим, были еще и стихи – Бодлер делился ими с Сазоновым, и в итоге печатался «за границей»: интересно проследить, что произошло это сразу после того, как весной 1855 года ушел из жизни осудивший Сазонова Николай I; его преемник, Александр II, в 1858 году разрешил Сазонову вернуться в Россию; воспользоваться разрешением, увы, «рязанский барин» не смог – и в конце 1862 года умер близ Женевы.

«Утро», в привычном нам переводе М. Зенкевича «Утренние сумерки» – таково его название, когда оно публикуется среди писем Бодлера от 1853 года, – этот перевод стихотворения в переводе рязанского помещика Николая Сазонова (1815–1862) был первым переводом из Бодлера на европейские языки. Этот перевод не очень традиционен по нашим меркам, это перевод стихов прозой, к тому же сокращенный, ибо Сазонов вынужден был приглушить бодлеровский скрытый эротизм текста, – но это был еще и перевод произведения, вовсе не изданного по-французски: перед нами полноценное доказательство русских связей самого Бодлера и того, что его известность для России можно отсчитывать с года, предшествующего году издания осужденной во Франции книги (т.е. с 1856 года), до суда над книгой оставалось еще много месяцев. Стоит отметить, что опубликованный в той же статье оригинал стихотворения «Флакон» был для него первоизданием: русские читатели в итоге прочли стихотворение существенно раньше французских (что при популярности французского языка в России значило много). Хотя так ли нетрадиционны для нас переводы стихов прозой? Именно таков был первый русский перевод из Бернса в 1800 году, и таков был первый русский перевод из Рембо в

1900 году. Бодлеру, как мы видим, повезло больше: он напечатался в России еще при жизни и, безусловно, знал об этом.

Максимально приближенные к проекту третьего издания «Цветы зла» вышли, что интересно, тоже по-русски: в «Литературных памятниках» в СССР, в 1970 году. Это символично, если учесть, что именно в России публикация книг Бодлера в XIX веке была запрещена цензурой: «Цветы зла» были у нас запрещены в 1859 году, «Дополнения к “Цветам зла”» и «Осколки» – соответственно в 1881 и 1883 годах. Лишь после отмены цензуры в 1905 году в России эти запреты перестали действовать, сразу три более или менее удачных, но все же довольно полных издания Бодлера увидели свет переводы А. Панова, А. Альвинга и Эллиса. Отметим: запрещенные *французской* цензурой стихотворения отсутствовали и тут. Четвертый, наконец-то действительно полный перевод (Адриана Ламбле), о котором ниже, вышел в свет, что символично, во Франции в 1929 году, за двадцать лет до формальной реабилитации «запрещенных цензурой» шести стихотворений. Пятый полный перевод (1940), выполненный Вадимом Шершеневичем, две трети века пролежал в архиве и вышел в свет лишь в XXI веке. Других полных авторских попыток не выявлено, хотя в первом приближении работу дальше середины общего объема П. Я. Якубович-Мельшин и В. Левик все же довели. Иначе говоря, попытка довести объем до авторского, полного была одна – перевод Адриана Ламбле. Даже в советском издании 1971 года из шести стихотворений было приведено только два, и причины изъятия остальных были, по признанию составителей, чисто цензурные: «Лесбос» нравился советскому Главлиту не больше, чем ханжам Второй империи.

Однако традиция сложилась не из полных переводов книги. Переложения отдельных стихотворений мы находим сперва у тех поэтов, творчеством которых XIX век подвел в России черту (Д. Мережковский, П. Бутурлин, Инн. Анненский), затем у всех главных символистов (В. Брюсов, К. Бальмонт, Вяч. Иванов), у акмеистов и членов «Цеха поэтов» (Н. Гумилев, М. Зенкевич, Г. Иванов, Г. Адамович, Вс. Рождественский, М. Лозинский), у лучших переводчиков советского времени (Б. Лившиц, П. Антокольский, С. Петров, Л. Остроумов), даже у тех из поэтов, для которых перевод не был важной вехой деятельности (Игорь Северянин). Из всего разнообразия сохранившихся переводов без большого труда выбирается вполне единая и достойная книга. Надо сказать, что добрая половина этих переводов была давно сделана к моменту издания книги в «Литературных памятниках», но до печатного станка их довели лишь последние десятилетия XX века, первое же двухтомное собрание сочинений Бодлера вышло лишь в Харькове в 2001 году.

Если некогда Суинберн писал о серьезном влиянии Бодлера на английскую поэзию, то влияние на поэзию русскую хотя пришло позже, но оказалось колоссальным. Ни символизм, ни акмеизм не обошли его стороной. Давно уже наличие множества полноценных русских версий каждого стихотворения делает возможным и включение «Цветов зла» в число постоянно читаемых русских книг. При основательно утраченном у нас знании французского языка, не говоря уже о поэзии, это весьма важно.

В русском переводе пропадает разве что второе французское значение заголовка – «Болезненные цветы». Но важнее другое: из множества тех поэтов, чье творчество пришлось на середину XIX века, во всем Западном полушарии Бодлер создал наиболее живую по сей день книгу. Пусть эта книга только одна, но тем безусловней ее ценность, сбереженная до наших дней.

Драгоценная и для наших дней.

* * *

Ну, и о своей легенде, о российской. Легенде о переводчике.

Она была. И рухнула. И бог с ней. Нам остались крепкие стихи безо всякой легенды.

Начнем с краткой хронологии: именно *хронология* переводов Шарля Бодлера еще двадцать с небольшим лет тому назад находилась у нас под изрядным цензурным запретом! Но воды с тех пор утекло порядочно, притом и воды поэтического перевода (увы). Пора строить хронологию.

Ранее считалось, что первым переводчиком Бодлера на русский язык был поэт-сатирик Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835–1899): всего через три года после смерти Бодлера в журнале «Искра» появился его перевод стихотворения Бодлера «Авель и Каин». Бодлера перелагали «семидесятники» и «восьмидесятники», более же всех сделал в этом поколении весьма широко известный «П.Я.» – Петр Филиппович Якубович-Мельшин (1860–1911). Начав свою работу на каторге, в 1879 году, он завершил ее в 1909-м изданием, представившим далеко не все «Цветы зла», но лишь 100 стихотворений из книги, где их почти вдвое больше. Заметим: *никак не ранее*, к этому мы еще вернемся.

В 1905 году были введены смягчения в области цензуры. Было ясно: кто-нибудь «Цветы зла» в своем переводе вот-вот издаст. Но «вот-вот» растянулось на столетие, да и полнота еще долго была весьма неполной, если можно так выразиться. В частности, «по всей Руси великой» устойчиво считалось, что перевод «П.Я.» совершенно полный, и если уж делать новый, то тоже полный и поэтическими достоинствами далеко предшественника превосходящий.

Значительную часть перевода «Цветов зла» содержали «Иммортели» Эллиса. Рецензия на них появилась в журнале «Весы» (1904, № 4. С. 42–48) за подписью «Аврелий», что означало «Валерий Брюсов». Оставляем на совести Брюсова этот отзыв:

«В русской литературе есть добросовестный и во многих отношениях ценный труд г. П.Я., переведшего более 200 стихотворений Бодлера. Переводы г. П.Я. (Бодлер. Стихотворения. Мск. 1895 г. и П. Я. Стихотворения. Том II, изд. 2-е. СПб. 1902 г.) дают русскому читателю если не совсем полное, то достаточно яркое и верное представление о стихотворном творчестве Бодлера. Меньшее, что должно требовать от всякого нового перевода Бодлера, это – чтобы он не был слабее предшествовавшего. Переводы г. Эллиса этому требованию не удовлетворяют. <...> Г-н Эллис не обладает двумя необходимейшими качествами для перевода Бодлера: поэтическим даром и знанием французского языка. За недостатком того и другого каждое стихотворение ставило перед ним неодолимые трудности. Он или бесшабашно расправлялся с ними “по крайнему своему разумению”, не вникая в них глубже, или хватался за те решения, которые были предложены его предшественником. Оставляем открытыми вопросы, насколько сознательны были эти позаимствования и насколько г. Эллис рассчитывал на то, что французский подлинник Бодлера мало распространен в России».

«Весы» выходили в Москве как литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал в книгоиздательстве «Скорпион» с января 1904-го по декабрь 1909-го включительно. Очевидно, что с комплектом «Весов» было знакомо едва ли не всё литературное поколение Москвы, начавшее творческий путь до переворота 1917 года.

Наконец вышли полные «Цветы зла» в переводах А. А. Панова (СПб., 1907), Арсения Альвинга (псевдоним Арсения Алексеевича Смирнова; СПб., 1908) и Эллиса (М.: Заратустра, 1908) с предисловием Валерия Брюсова (!). К этому в 1909 году добавились не совсем полные «Цветы зла» в переводе «П.Я.» – очевидно, больше 100 стихотворений он не смог сделать даже за тридцать лет трудов.

В итоге краткий отрезок времени (1907–1909) выдал **четыре** более или менее полных перевода «Цветов зла». Лучше других, как всегда, раскупали тот, на котором стояло имя наиболее известного поэта, выступившего переводчиком. В данном случае это был Эллис; к тому же книге предпосылалось предисловие не чье-нибудь, а вождя символистов Валерия Брюсова. Вот несколько слов из него, заметим, от 1908 года: «Темами своих поэм Бодлер избрал “Цветы зла”, но он остался бы самим собой, если бы написал “Цветы Добра”. Его внимание привлекало не зло само по себе, но Красота зла и Бесконечность зла».

Перед нами отзывы на книги 1904 и 1908 годов; у них один переводчик – Эллис. Не просто Лев Кобылинский, а внебрачный сын педагога, владельца знаменитой частной московской гимназии Льва Ивановича Поливанова и Варвары Петровны Кобылинской. В Поливановской гимназии в разное время учились и Брюсов, и Волошин, и Белый, и Шервинский, и Позняков, и будущий муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, а в одном классе с последними – будущий переводчик «полных “Цветов зла”» (1940 г.) Вадим Шершеневич.

Учился будущий Эллис не у отца, а в 7-й московской гимназии, также изрядно престижной, по окончании которой в 1897-м поступил на юридический факультет Московского университета; изучал экономику, считал себя марксистом, получил в 1902 г. диплом 1-й степени (кстати, это означало и сдачу экзаменов по латыни, французскому и, очевидно, немецкому языкам).

Откуда такая перемена взглядов и вкусов Брюсова, да и заметил ли ее кто-нибудь? Разгадка, как обычно, обнаружилась на поверхности.

В 85-м томе «Литературного наследства» (М.: Наука, 1976) была опубликована статья К. М. Азадовского и Д. Д. Максимова «Брюсов и “Весы”: К истории издания», благодаря которой загадка очень скоро перестает быть таковой: «Заметную роль в “Весы” второго периода играл Эллис, *однако он сблизился с журналом лишь в середине 1907 года*» (курсив мой. – Е.В.).

Вот и разгадка: ни Шершеневич, ни Георгий Адамович в 1907 году в литературе роли еще не играли, да и после едва ли держали в руках книгу Эллиса 1908 года, иначе не читали бы мы сейчас такие откровения Адамовича: «...Есть, во-первых, перевод П.Я. – перевод грубоватый и бесстильный, но довольно верно передающий страстно-страдальческий тон бодлеровской поэзии. <...> Есть, затем, перевод Эллиса, насколько помнится, не полный, более изысканный, чем перевод П.Я., но зато и более вялый» (Последние новости. 1930, 27 февр.). Мечты Адамовича о полном переводе Гумилева, видимо, относились к области выдавания желаемого за действительное. Гумилев, похоже, планировал перевести «Цветы зла» общими силами «Цеха поэтов»: в разных архивах и книгах мы находим то четыре перевода Гумилева, то два – Георгия Иванова, то один – самого Адамовича и т. д. Но как было не блеснуть красным словом: «В архивах “Всемирной литературы” должен храниться полный перевод стихов Бодлера – вероятно, лучший из всех. Не издан он только потому, что в какой-то правительственной комиссии было признано, что Бодлер не созвучен революции и выпуск книги несвоевременен» (Адамович, ук. соч.). Советская власть, если смотреть с другой стороны границы, виновна была не только в гибели миллионов, но и в неиздании Бодлера. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», – как писал Достоевский.

А вот что писал Вадим Шершеневич (рукопись 1940 г.):

«...Мне кажется позорным, что мы до сих пор не имеем “Цветов зла” на русском языке полностью, если не считать перевода Эллиса, сделанного с подстрочника, так как переводчик почти не знал французского языка. <...> Как ни странно, ближе всего понял Бодлера Якубович-Мельшин, сумевший за изображением грязи и мерзости рассмотреть душу поэта, не любующуюся этой мерзостью, а пугающуюся ее, бегущую от нее и вызывающую к Идеалу.

Однако слабая поэтическая техника Якубовича превратила стилистически Бодлера в некую “надсониаду”, в послесловии Якубович был вынужден признать, что он прибавлял в своем переводе чуть ли не 30–40 % строк к каждому стихотворению Бодлера, отказался от многочисленных сонетов и зачастую печатал не перевод Бодлера, а подражание Бодлеру». Несколько выше Шершеневич сообщает советскому читателю, что «отдельные переводы И. Анненского, В. Иванова и Бальмонта приукрашивали Бодлера мистикой и символическими красотами».

Странное что-то тут (с *этой* стороны границы) написано. И Вячеслав Иванов, и Эллис идеально знали французский. Но, похоже, статья Брюсова-Аврелия от 1904 года послужила источником информации. Безусловно, «Предисловие переводчика» у Шершеневича было

данью советской цензуре. Осуждая работы предшественников, он писал о тех, кому ничто не грозило (Эллис в эмиграции, Вяч. Иванов тоже, да и Бальмонт там же), значит, не сочинил ни одного доноса. Это Шершеневичу и теперь за честь надо. Даже имен уничтоженных советской властью в этих списках нет (Н. Гумилев, Б. Лившиц, В. Тардов). Его руки чисты... а перевод вышел лишь через 65 лет после его смерти, в 2007 году.

О ранних переводах А. Панова и А. Альвинга Шершеневич, видимо, не знал. Он считал свой перевод «самым полным». Самым полным он не был, но и парижский перевод Адриана Ламбле, о котором ниже, был по полноте таким же, хоть там и не хватало одного стихотворения. Самые полные переводы появились у нас в 2000-е годы, но не о них сейчас речь.

Среди четырех полных переводов Бодлера на русский язык затесался пятый. Шершеневич о нем, похоже, не знал, а вот Адамович знал совершенно точно, ибо отрецензировал его довольно пространно в той самой, упомянутой выше, статье. В России этот перевод почти шестьдесят лет оставался неведом.

В № 1 журнала «Москва» за 1986 год Иван Карабутенко опубликовал более чем сенсационную статью: «Цветаева и “Цветы зла”», где возвестил *urbi et orbi* о нахождении неизвестной книги Марины Цветаевой – «Цветы Зла» в переводе Адриана Ламбле (Париж, 1929). Отчего это книга Цветаевой? Оттого, что Адриан Ламбле не мог быть никем иным, кроме Марины Цветаевой. Доказательства? Да ведь каждому известно, что император Адриан был любимым императором Марины Цветаевой, а кафе «Ламблен» в Париже (или не в Париже, но это не важно) было любимым кафе Марины Цветаевой (или не Марины и не Цветаевой, но это тоже не важно) и именно там она переводила на русский язык Бодлера (или Лебедева-Кумача на французский, но уж это совсем не важно)... Словом, И. Карабутенко неоспоримо доказал, что Адриан Ламбле – это Марина Цветаева! Какие еще доказательства? Так вот же! Никакого француза по имени Адриан Ламбле не было, *потому как быть его не могло никогда!*

Какие бы то ни было доказательства после этого избыточны.

Аргументы Карабутенко, наподобие совпадения рифмы в первой же строфе «лампы-эстампы» переводов Ламбле 1929 года и Цветаевой 1940 года («Плаванье»), ни малейшей критики не выдерживают: оригинал сам «диктует» рифмы, а тут еще и рифменная пара просто взята у Бодлера. Еще одним важнейшим доказательством своей теории считает И. Карабутенко тот факт, что ни о каком Адриане Ламбле лично ему ничего не известно. Это, в конце-то концов, аргумент неопровержимый! Более того: до конца XX века переводы Ламбле так и печатались за подписью Цветаевой, и это попадает в библиографиях по сей день.

А. Саакянц, ответившая на сочинение Карабутенко в № 6 «Вопросов литературы» за 1986 г., убедительно доказала, основываясь на тех же цитатах из перевода Ламбле, а главным образом – на фактах биографии Цветаевой, что вся сенсация – мыльный пузырь. Но...

«Цветы зла» в переводе выходца из Швейцарии Адриана Адриановича Ламбле много лет стоят у меня на полке. Еще в 1970 и 1971 годах на состоявшихся в Центральном доме литераторов в Москве обсуждениях книги Бодлера, вышедшей в «Литературных памятниках», я выражал сожаление, что составители ни в какой степени не использовали ни перевод Ламбле, ни рукопись полного перевода Шершеневича, ни целый ряд других отдельных переводов. «А что, мы много хорошего упустили?» – спросил меня тогда Н. И. Балашов. Я ответил: «Не очень...»; я не мог в двадцать надеяться, что мне поверят академики, я читал рукописи и недоступные книги, но они-то ведь пробili в печать издание почти нереальное в советское время, я теперь считаю, что их заслуга в разы больше моей.

Кем же все-таки был Адриан Ламбле? На то, чтобы это выяснить, ушло более тридцати пяти лет. Придется привести две цитаты.

Первая – из вышедшей в Амстердаме в 1987 году книги «Два полустанка» (1974–1975), мемуаров Валерия Перелешина (1913–1992), уже давно именуемого «лучшим русским поэтом Южного полушария» – в Рио-де-Жанейро он прожил последние сорок лет жизни:

«Знакомство с Адрианом Адриановичем Ламблэ [так! – *Е.В.*], обрусевшим швейцарцем, началось <...> когда он посетил меня в Пекине¹ и подарил мне первые издания *Жемчугов*, *Чужого неба*, *Костра* и *Шатра* Гумилева, привезенные им из России. *Романтические цветы*, прибавленные к *Жемчугам*, были мне дотоле незнакомы и взволновали меня чрезвычайно. По этому поводу я тогда же написал стихотворение “При получении стихов Гумилева”, которое посвятил Адриану Адриановичу и включил в свой сборник “Жертва”.

Вскоре по приезде в Шанхай я решил отдать визит Адриану Адриановичу. Нашел его очень странным, сильно изменившимся, постаревшим. Говорил он только о том, что он, богатый человек, находится под непосредственной угрозой голода из-за войны. Вскоре я и узнал, что бедный Ламблэ окончательно помешался и взят на попечение швейцарским консульством. Так он и умер – богатым человеком, сошедшим с ума оттого, что боялся бедности» (с. 124).

Через двадцать лет, в 2006 году, вопрос приобрел новое звучание: что ж, если такого француза не было, может быть, во французской Бельгии или Швейцарии кто-то отыщется? Этими поисками занялся поэт, переводчик и прозаик Валерий Вотрин.

...И грянул гром. С некоторой отсрочкой – в 2009 году – но грянул: из Швейцарии неожиданно были получены исчерпывающие данные от семьи Ламбле. Предоставил их Марк Ламбле, генеалог, секретарь швейцарской Ассоциации семейства Ламбле, которому мы безгранично благодарны. Отныне все концы сошлись, и швы ушли в бессмертие – к столику кафе «Ламблен», где император Адриан, вероятно, по сию пору сидит и пьет свой стакан душистого перно. Без комментариев цитирую статью Вотрина, специально написанную для русской Википедии:

«Адриан Адрианович Ламбле (имя при рождении Адриен Рене Альбер Ламбле, фр. *Adrien René Albert Lambelet*, 19 апреля 1884, Пезё, кантон Нёвшатель, Швейцария – 10 марта 1955, Нёвшатель, Швейцария) – русский поэт-переводчик швейцарского происхождения, автор наиболее полного из всех имеющихся переводов “Цветов зла” Шарля Бодлера. <...>

Адриан Ламбле происходил из семьи уроженцев деревни Ле-Верьер (Les Verrières) кантона Нёвшатель. Отец – землемер; дед, Луи-Констан Ламбле, – известный швейцарский общественный деятель, адвокат.

В Россию Ламбле, возможно, приехал вслед за сестрой отца, учительницей, поселившейся в Нижнем Новгороде в 1913. В 1915 окончил юридический факультет Петроградского университета. После октябрьского переворота покинул страну (видимо, через Владивосток), жил в Париже, где в 1929 опубликовал свой полный перевод “Цветов зла”. Перевод был отмечен Георгием Адамовичем.

В начале 1940-х – в Китае: есть свидетельство поэта Валерия Перелешина о двух встречах с Ламбле в Пекине в 1943 и Шанхае в 1944. Имеются также сведения, что жена Ламбле, уроженка Минска Аполлония Кременецкая (р. 1891) (на которой он женился в 1921 в Иокогаме), скончалась в июле 1942 в Шанхае.

Ламбле посвящено стихотворение Перелешина “При получении стихов Гумилева” из сборника “Жертва” (Харбин, 1944).

После смерти жены Ламбле заболел душевной болезнью, был взят под опеку швейцарским консулом и вывезен на родину. Остаток лет провел в психиатрической лечебнице».

¹ Перелешин переехал из Пекина в Шанхай 2 ноября 1943 года (там же, с. 88).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.